

рика. После 2012 года был взят курс на консервацию социально-политического порядка и режима власти, на ограничение доступа во власть и элиту, на ликвидацию политической конкуренции, на архаизацию властных отношений. Даже риторика модернизации исчезла из публичной сферы.

Поэтому получается, что к такому неопатримониальному, неотрадиционалистскому политическому порядку и режиму сложно, неуместно, странно предъявлять требования реализации конституционного статуса, прав, обязанностей и свобод гражданина и, соответственно, модели государства, которые составляют основу проекта Модерна. Функции и смысл существования неопатримониализма абсолютно иные.

2.2. Российский гражданин в роли частного и публичного лица

Рациональная и эмоциональная самооценка личности, ее чувство собственного достоинства зависят от общественного одобрения и государственного стимулирования стремления людей участвовать в формировании порядка частной и публичной жизни. По сути, это социальная и политическая субъектность, или стремление к власти, связанное как с властью над собой (самодисциплина), так и над обстоятельствами. Автономность, свобода, рациональность, или рефлексивность и креативность в отношении внешнего мира и самого себя [Честнов 2009: 23] – характеристики индивида не только в качестве субъекта права (гражданского и конституционного), но и в качестве субъекта религии, морали, экономики и политики, сформулированные общественно-политической мыслью и формируемые на практике в западноевропейских странах в Новое время. Насколько состоятелен в настоящее время средний россиянин в качестве частного лица и публичного человека, гражданина? Обладает ли он автономным пространством частной жизни, защищенным от незаконного вмешательства извне? Какова его фактическая политическая роль? Ответ на эти вопросы связан с анализом комплекса проблем, касающихся соотношения частного и публичного в жизни российского гражданина.

Одним из социальных институтов, относящихся к частной жизни индивида, является семья. Исторически обособление частной жизни в европейских странах в XVIII–XIX вв. происходило в первую очередь в буржуазной среде, путем развития частной собственности, правовых и иных механизмов защиты приватной жизни буржуа. Важнейшей составляющей в этом процессе была дифференциация мужской и женской ролей в семье

и обществе. Женщине досталась роль охранительницы частной жизни членов семьи, подчиненной мужчине, а мужчине – роль гражданина, обладающего гражданскими и политическими правами. Суверенизация индивида-мужчины происходила параллельно суверенизации семьи. «Свобода, равенство, братство мужчин возростали на семейном деспотизме. Похоже, что развенчание, детронизация и десакрализация власти Монарха сопровождалась увенчанием и сакрализацией главы каждого отдельного семейства, превращавшегося в монарха, деспота, тирана в своем доме» [Айвазова 2006: 141]. «Мультипликация авторитаризма» выступает в истории Европы одним из элементов модернизации и демократизации. Процесс разграничения публичной и частной жизни шел для мужчины-буржуа, с одной стороны, путём естественного развития им роли домохозяина, главы семьи, господина над домочадцами, с другой – путем выработки и присвоения публичной роли гражданина. Процессы взаимного обособления и ограничения частного и публичного и суверенизации личности касались поначалу лишь мужчин и осуществлялись за счет подчинения им женщины. Политическая субъектность и доступ к публичности обеспечивались их господством в частной жизни. Эволюция частной жизни в XIX–XX вв. включала переход от патриархатной авторитарной семьи к эгалитарной партнерской семье, где женщина лишь к середине XX в. обрела равные с мужчиной социальный статус и роль – и в семье, и в публичной жизни.

В соответствии с представлениями либерализма, частное является границей и основой публичного и государственного, а публичное – гарантией соблюдения частных интересов и прав. Система политического представительства была основана на убеждении в том, что отцы семейств должны заниматься реализацией собственных частных интересов, а часть своих публичных полномочий делегировать представителям для обеспечения общественных потребностей. В такой оптике семья выступает в качестве определенной модели демократии. Она является каналом социализации и вовлечения индивида в общественную, публичную жизнь, носителем отношений формального подчинения и отношений самоуправления – родственного, сословного, корпоративного, территориального, экономического. Семья и совокупность более широких отношений – соседских, связей в рамках местного самоуправления – задают образцы публичных ролей для младшего поколения.

Нынешнее состояние соотношения частного и публичного в жизни россиян во многом обусловлено специфической эволюцией частного и публичного в российской и советской истории. Эволюция семьи в России шла несколько иным по сравнению с европейским путем. В российской

истории отсутствует этап установления взаимной связи между частной и публичной ролями гражданина, между развитием буржуазной семьи и завоеванием политических прав отцами буржуазных семейств. В России долго сохранялась патриархальная семья и подчинение индивида общине («миру») и царю как патриарху общества, следствием чего была неразделенность общественной и частной жизни. Давление патриархальной семьи с авторитетом родителей на мужчину препятствовало формированию автономной личности. В большевистской России идеологическая задача ликвидации частной жизни (частной собственности, семьи, быта, индивидуализма) определяла социально-политический статус и публичную роль индивида. Последствия мощной работы по воспитанию сознательного советского гражданина как непосредственно и принудительно включенного в публичную жизнь коллектива и государства, без защитного слоя относительной закрытости семейной и частной жизни, до сих пор мешают становлению автономной личности. Подчинение трудовому коллективу и «вождю всех народов» определяло специфику соотношения частного и публичного, ролей индивида в семье, обществе и государстве.

Задачи ликвидации «всего частного», поставленной В. И. Лениным, советская Россия не выполнила, но успела закрепить особую роль женщины-труженицы, «на работе и дома» отдававшей себя во имя «общественного блага». Советская семья никогда не была патриархальной. Развитию эгалитарной, партнерской семьи мешали два обстоятельства. В употребляемом в советском законодательстве понятии «женщина-мать» фиксировалось, что публичной функцией женщины является «рождение и воспитание настоящих граждан советской страны». Так были смешаны и смещены частное и публичное в жизни женщины. Несмотря на декларации о равноправии, к исполнению публично-политических обязанностей по ряду нарядке допускалось ограниченное число «проверенных» женщин. Мужчина в официальном законодательстве не был признан в качестве полноценного члена семьи, несущего ответственность за детей и имеющего на них равные с женщиной права. Советское семейное законодательство было дискриминационным по отношению к мужчинам, женщинам и детям. Любой ребенок рассматривался в качестве «собственности» государства (потенциальной рабочей силы, носителя воинской повинности, объекта налогообложения), а не семьи или отца. В этом – основа низкой оценки советским государством отдельной личности, ее жизни и труда. Традиционная подозрительность российского государства к отдельному человеку, отношение к нему не как к субъекту права – не преодоленный до сих пор системный порок политической системы, который порождает между государством и обществом отношения недоверия и нересипрокности.

Одним из элементов идеологической задачи подчинения советского гражданина государству было снижение роли мужчины в семье и обществе. Участие в управлении государством рядовых советских граждан было сведено к участию в торжественных ритуалах. Система предписывала послушание, присущую мужчинам активность можно было реализовать либо посредством официальной карьеры в партийно-государственных структурах (ценой подавления личности в себе и других людях), либо в теневых экономических и социальных практиках. В этом заключается существенная особенность эволюции политической системы в СССР. Система образования и воспитания и другие сферы функционирования советского государства трансформировали систему патриархального господства: семья и частная жизнь людей были полностью открыты для вмешательства партийных и государственных органов. Границы между частной и общественной жизнью оказались проницаемыми и размытыми. Партийными функционерами была сформирована система тотального господства партии-государства над личностью, независимо от пола, возраста и других различий. Но технологии такого подчинения учитывали специфику тех или иных различий. Женщину эта система эксплуатировала с двукратной силой – и как работницу, и как мать. Однако символически «женщина-мать» возвеличивалась, советская мифология почти отождествляла ее с «Родиной-матерью». Общим «отцом» (и «всех народов», и каждого человека в отдельности) в системе этих символов был Сталин, сконцентрировавший всю силу частной и публичной власти на себе и узурпировавший активное мужское, отеческое начало у всех других мужчин. Все они были превращены в «детей» (солдат и тружеников) – домочадцев, подчиненных всесильной воле «отца».

Социокультурный смысл лишения российского мужчины функций отца и хозяина до конца не оценен. Это был процесс ограничения активности мужчины во всех сферах жизни. Система оценки труда в советской экономике лишала мужчину экономической автономии и состоятельности. Одновременно был подорван и его авторитет в семье. Так была разрушена основа для гражданской суверенности индивида – в первую очередь мужчины, и для его политической автономии и публичной роли субъекта государства. Истребив самостоятельных мужчин (крепких крестьян, купцов, буржуа как идеологических противников) в ходе гражданской войны, коллективизации, репрессий и других мер принуждения, в остальных мужчинах партия-государство подавило всякую волю к несанкционированной инициативе. Не в этом ли исходные причины многих нынешних социальных болезней среди мужчин? «Частное» в советское время было редуцировано к государственно-общественному. Последнее сложно считать пуб-

личным. Через контроль коллектива над каждым работником государство установило почти тотальный контроль над личностью. Интересы государства ставились выше интересов личности. Система политической социализации массово и безальтернативно внедряла в сознание людей требования к роли гражданина: быть готовым к подвигам, борьбе с внешним и внутренним врагом, к беззаветной преданности и жертвенности во имя общих Родины-матери и Отца. Это было связано еще и с установлением равенства полов. В глазах женщины государство низвело мужчину, заменив ее экономическую зависимость от мужчины тотальной зависимостью от государства (посредством учреждения минимальных социальных гарантий и льгот). Истоки нынешнего патернализма россиян коренятся в факте этой зависимости женщины от государства, в передаваемых ею детям установок на эту зависимость.

Для советского закона не существовало семьи как особой сферы частной жизни человека, как не существовало и частной собственности. В постсоветском законодательстве произошли коренные изменения: в Конституции РФ (1993) провозглашен принцип равенства между мужчиной и женщиной, установлены обязанности государства по защите и материнству, и отцовства. Но реализация норм, направленных на поддержание и развитие эгалитарной, партнерской семьи, оставляет желать лучшего. Формы семейных отношений и ролей неустойчивы. Ответственности за себя у многих россиян так и не сформировано, есть, скорее, ответственность перед кем-то другим. Для молодых россиян ценность свободы связана чаще с ее реализацией в частной жизни, чем в общественной, публичной. Это объясняется социально-психологическим механизмом компенсации за предыдущие десятилетия угнетения сферы частной жизни, с отсутствием государственного стимулирования участия граждан в публичной жизни.

В отличие от утверждений некоторых исследователей о происходящем в настоящее время обособлении частной и публичной сфер жизни, о разделении государственной (общественной) и частной жизни [Айвазова 2006: 140], мы исходим из предположения об их неоднозначном соотношении. Наблюдаются тенденции «приватизации» и «разгосударствления» человека. В массовом сознании современных россиян Т. В. Павлова отмечает тенденцию выдвигания на первый план ценностей частной жизни и формулирует проблему формирования автономной личности в процессе обособления частной жизни от жизни общества и государства [Павлова 2006: 278–279]. Позитивным считается сохраняющееся доверие людей к семье. Но это единственный социальный институт, которому доверяет большинство россиян. Каков потенциал доверия к семье? Даже официаль-

ная статистика свидетельствует о кризисе семьи: невероятном количестве распадающихся браков, широком распространении гражданских браков, брошенных детях, непопулярности «семейного» труда по воспитанию детей. Действительно ли в России идет процесс «суверенизации» семьи и личности внутри нее? Благоприятствует ли развитию экономической инициативы, частной собственности, в целом – автономии личности система экономических, правовых и политических институтов? Эти вопросы не находят однозначных и окончательных ответов.

Вопрос об индивидуальной автономии связан с проблемой автономии гражданина и в политической, и в частной жизни. Для большинства населения микросреда как среда преимущественно частной жизни не становится ресурсом для упорядоченности повседневности. Частью населения семья не воспринимается как сфера частной жизни [Хлопин 2006а: 338]. Это объясняется тем, что семья не обособлена от родственно-дружеского круга, но противопоставлена публичной жизни. Человек укрывается в семье, восполняя дефицит безопасности, царящий в обществе и государстве. В России семья не является пространством частной жизни личности в западном понимании, она выполняет функцию защиты. Но создает ли она условия для самостоятельности личности? Российская семья пока не стала партнерской и демократичной, не стала сферой договора, взаимности прав и обязанностей. Индивид владеет семейными и квазисемейными правилами игры, но не владеет универсальными, правовыми. Среднестатистический россиянин не самостоятелен ни в частной жизни (в силу долговременной вынужденной зависимости от семьи), ни в публично-политической – в силу зависимости от государства. Далеко не всякая семья обеспечивает условия для реализации личности, экономически зависимым членам семьи отказывается в праве быть личностью. Наша семья держится на аффективных, эмоциональных – неустойчивых отношениях. Нужен длительный период демократизации и рационализации семейных отношений, которые на микроуровне создадут основы для демократизации общества. Необходимо повышение степени внутренней автономии каждого члена семьи, признания его личностью, обладающей собственным достоинством. Важно понять, где обрывается взаимодействие между микро- и макроуровнем жизни россиянина? Почему нет перехода от частной жизни к публичной?

На наш взгляд, в России даже относительного разграничения частного и публичного не сложилось ни в XIX, ни в XX веке. Не выработано до сих пор и ясного понимания каждого понятия, поскольку заимствованные понятия не укоренились в общественном сознании и повседневных практиках и отношениях. На протяжении всей российской истории

граница между частным и публичным не была обозначена ни со стороны верховной власти, ни со стороны общества. Претензия российского государства на контроль над всей совокупностью общественных отношений приводила к тому, что «публичные отношения никогда жестко не отделялись от частных» [Кострюкова, Осипов, Саренков 2007: 66]. Историческая семантика концепта «государство» – как личного хозяйства государя, пространства его произвола, личного владения или распоряжения собственностью и населением на территории, подвластной ему, когда законы частного распоряжения распространяются на публичные дела и частную жизнь подданных, – вносит определенную ясность в данный порядок власти. Российская система власти является фундаментальным фактором, определяющим смешанный, неправовой, произвольный характер соотношения частного и публичного. Веками в истории России доминировала попечительная власть, покровительствующая подданным в обмен на их преданность, не ограниченная никакими моральными и правовыми нормами, никакими обязанностями или ответственностью перед подданными. Односторонней зависимости российского населения от верховной власти соответствовала и неустойчивая сеть сословных, корпоративных и т.п. связей. Прямая зависимость каждого от самодержца мешала формированию универсальных горизонтальных связей и препятствовала развитию автономии индивида. Возможность социальной самоорганизации в российской истории чаще всего ограничивалась и перенаправлялась с групповых интересов на обслуживание интересов господствующих классов. Приоритет привилегий власти над ее обязанностями, установившийся при самодержавии, оказался исторически устойчивым и сохраняется до сих пор. Это воспроизводит установку на примирение с зависимостью каждого от произвола власти, привычку к страху перед властным принуждением и стереотипы избегания прямого публичного контакта с властью (сопротивления, неподчинения) и обхода ее при соблюдении внешней покорности. Отчуждение населения от власти и политики как специфическая черта российской политической системы и культуры россиян препятствует развитию потребности в публичном представительстве собственных интересов, препятствует становлению гражданской политической культуры и институтов политического участия граждан. Возможность ежечасного вторжения государя и государевых слуг в повседневную жизнь подданных, характерная для дореволюционной России, была унаследована и советским режимом. За исключением личных вещей или личного подсобного хозяйства, у советского человека невозможно найти какого-то автономного пространства приватности.

Состояние российской публичной сферы также требует конкретного анализа. Публичная сфера в рамках теорий демократии – это сфера общественного сознания и политической коммуникации, которой свойственны свобода выражения мнений, идеологический плюрализм, политическая конкуренция, инфраструктура производства и обращения идей, свобода слова и печати. Условием существования публичной сферы в западных странах является взаимное ограничение частного и публичного, непосредственно-личных коммуникаций опосредованными – институциональными и ментальными формами обмена общественным мнением (парламентом, СМИ, политическими партиями и общественными объединениями, публичными судами). Включаясь в обсуждение политических проблем, граждане обретают компетентность и субъектность, что способствует усилению их влияния на принятие политических решений и установление контроля над государством. Публичную сферу О.Ю. Малинова определяет как «особое виртуальное пространство, где в более или менее открытом режиме обсуждаются социально значимые проблемы, формируется общественное мнение, конструируются и переопределяются коллективные идентичности» [Малинова 2007: 8]. Это пространство взаимодействия общества и политической системы, самоорганизации и организации, обратной и прямой связи с государственными структурами, спонтанной и санкционированной активности населения, прав и обязанностей гражданина. В разные периоды европейской истории понятие публичности наделялось разными значениями: гласность, общественность, открытость, общественное мнение, доступность государственных дел суду общественности [Словарь... 2014: 381]. Динамизм и противоречивость публичной сферы в наше время связаны с наличием противоположных тенденций – манипулятивного влияния на общественность и критического участия и контроля общественности за политическим процессом [Словарь... 2014: 384].

Гарантией нормального функционирования публичной сферы является действующая правовая система, нацеленная на реализацию основных прав граждан – свободы печати и выражения мнений, свободы собраний, митингов и демонстраций и т.д. Функционирование демократического политического режима предполагает совокупность институтов вовлечения индивида в публичную жизнь и политику, а также реализацию политической роли гражданина. Такая роль включает и права, и обязанности, и предъявляет определенные требования: обладать способностью к рациональному выбору, участию в дискуссиях и солидарных действиях, идентификации себя с той или иной политической партией или движением, знать меру между социальным доверием и критическим отношением к политическим программам и лидерам; брать на себя выполнение публичных

обязанностей; быть толерантным по отношению к чужому мнению; обладать гражданской компетентностью, стремлением и навыками согласования интересов социальных групп. Главное условие существования публичной сферы – наличие конкурирующих акторов, субъектов, способных создавать и поддерживать институты, площадки, идеи и средства производства и обращения идей и коммуникаций.

Гражданин – это публичная, политико-правовая роль (функция, ипостась) личности, заключающаяся в актуализации ее политической автономии и свободы, в участии в публичной жизни общества. Она подразумевает совокупность прав (возможностей, свобод личности, являющихся обязанностями государства по отношению к личности) и обязанностей (функций личности по отношению к обществу и государству). Причастность публичной власти, прямое или опосредованное участие в ее осуществлении через различные формы представительства – определяющая функция гражданина в демократическом государстве. Институциональная основа феномена гражданина – его конституционный статус, ментальная – этос гражданина, или его политическая культура, взятая сквозь призму установок и моделей поведения. Историческое выделение этой роли предполагает определенную экономическую, моральную, правовую и духовную автономию личности, наличие возможности и способности личности отделять роли частного и публичного (государственного) человека. Исполнение каждой из этих ролей подразумевает опору на институциональные условия (конституционный статус гражданина, статус субъекта гражданско-правовых отношений) и соответствующую ментальную оснастку.

Гражданин рождается «на публике», без развитой публичной сферы как зоны свободы – слова, критики и т.д., обособленной от сферы частной жизни, гражданин не может включиться в политический процесс. Публичность – существенное свойство демократической политики и гражданина как ее субъекта. Роль гражданина формируется всеми каналами и институтами публичной сферы, являющимися воплощением этоса гражданственности (публичности) – нормами, правилами, манерами поведения на публике, предполагающими театральную отстраненность от всего частного (приватного). Функционирование публичной сферы осуществляется как динамичное взаимодействие институциональных и ментальных измерений субъектов политической системы, отсюда ее определяющее значение для становления гражданина и воспроизводства демократических институтов. Историческая эволюция этоса публичности связана с повышением роли масс-медиа и информационных технологий, опосредующих взаимодействие граждан и государства и определяющих характер и направленность существования публичной сферы.

Для индивида огромное значение имеет соотношение между публичной ролью гражданина и ролью частного лица, которое определяется культурно-историческим контекстом. Мир частной жизни выступает в качестве базового для мира публичной – политической жизни, субъектность частного лица питает субъектность лица публичного. Условием нормального функционирования публичной сферы и взаимного ограничения частного и публичного в жизни гражданина является развитость институтов самоорганизации, опосредующих связь граждан и органов государства, форм местного, территориального, общественного самоуправления, которые и создают первичный уровень публичности, где возможны формы прямой демократии и коммуникация «лицом к лицу». Без подпитки со стороны этого уровня опосредованные формы отношений перестают поддаваться общественному контролю. Каково же соотношение частного и публичного в жизни российского гражданина? Существуют ли институциональные и ментальные условия для того, чтобы он смог относительно гармонично сочетать эти роли?

В советское время понятия «свобода убеждений» и «свобода печати», принципиально связанные с публичностью, конкретизирующие ее, упоминались в Конституции 1936 г. Однако они были отделены от той индивидуально-правовой формы, с которой они были связаны в конституциях западноевропейских государств. Конституция 1936 г. гарантировала свободу слова, но эта гарантия оказывалась декларацией, поскольку выпуск печатных изданий был прерогативой крупных общественных организаций, тем самым свобода слова попадала из сферы индивидуального права в сферу общественного (государственного) права. В статье 125 данной Конституции значилось: «в соответствии с интересами трудящихся и в целях укрепления социалистического строя гражданам СССР гарантируется законом: а) свобода слова; б) свобода печати; в) свобода собраний и митингов; г) свобода уличных шествий и демонстраций. Эти права граждан обеспечиваются предоставлением трудящимся их организаций типографий, запасов бумаги, общественных зданий, улиц, средств связи и других материальных условий, необходимых для их осуществления» [Кукушкин, Чистяков 1987: 309]. Противоречие формального и неформального, номинального и реального (содержательного) было присуще и публичной сфере советского времени. В этом примере видно, что общественное (гражданское) было редуцировано к государственному, подчинено ему, что публичное отождествлено с государственным, а также становится очевидно, что индивидуальное (частное) подчинено государственному. Для Конституции 1936 г., как и массы других советских законов и документов, характерен разрыв теории и практики, формальных норм, с одной стороны,

и условий и механизмов их реализации – с другой, фактически уничтожающих условия воплощения этих норм. Здесь интересен пример Конституции ГДР, которая также провозглашала свободу слова. В комментарии к данному закону говорится, что цель свободы слова «состоит в том, чтобы свободное выражение мнений поставить на службу тем целям, которые сформулированы в преамбуле как путь к социализму. Гарантия «непрерывных предпосылок свободного выражения мнений», таких как свобода от экономического принуждения и отказ от манипулятивного использования средств массовой коммуникации частными предприятиями, имела своей целью преодоление частнокапиталистической формы «свободы печати», которая, по словам В. И. Ленина, означает лишь «свободу покупать газеты», а также «подкупать и покупать и фабриковать “общественное мнение” в пользу буржуазии» [Словарь... 2014: 385].

В настоящее время, несмотря на конституционное признание частной собственности, действие Гражданского кодекса РФ, распространение индивидуализма, соотношение публичного и частного в бытии российского гражданина во многих отношениях аналогично советскому. Иногда возникает ощущение, что и Конституция РФ 1993 г. выполняет ту же роль, что и четыре конституции советского времени. Но есть и отличия. Даже функционально определенное разграничение сфер действия того и другого на практике так и не осуществлено. Публичная сфера, в которой господствует государственное, официальное, а голосу общественности не позволено звучать хотя бы более или менее отчетливо, периодически вторгается в частное, и наоборот – частная жизнь политиков и публичных людей замещает публичное пространство «Общего блага». Специфику функционирования публичной сферы в сегодняшней России определяют следующие факторы. В. Я. Гельман анализирует противоречие между формальными и неформальными институтами как одно из определяющих существование нынешнего политического режима в России [Гельман 2003: 6]. Известна тесная взаимосвязь между развитой публичной сферой и реализацией принципа верховенства права в системе формальных – публично-правовых (конституционных) и гражданско-правовых демократических институтов, которая лежит в основе рационально-легального (по М. Веберу) типа господства. Устойчивость этой связи свидетельствует о демократичности общества и государства, о наличии конституционализма, реального разделения и независимости властей, общественного контроля за деятельностью органов государства и должностных лиц, о действительности обратной связи в системе коммуникации между населением и властью, о вовлеченности граждан в процесс управления.

В 2000-е годы правящий класс осуществил серию жестких ограничений публичного политического пространства: ликвидирована независимость телекомпаний; серьезно ограничена политическая конкуренция и права граждан, общественно-политических объединений и политических партий; свернуты реформы судебной системы, ликвидирована ее независимость от исполнительной власти, широко применяется практика селективного правосудия ради исключения потенциальных участников из выборов и политического процесса в целом; правоохранительные органы и суды используются для ограничения прав граждан на свободу слова, информации, собраний и митингов. Закон утратил универсальное формально-юридическое содержание, правоохранительные органы стали инструментом защиты произвола политического класса от большинства населения. По мнению Н. Петрова, произошла субституциализация политической системы – замена институтов демократического правового государства субститутами: Государственной Думы – отраслевыми консультативными советами при президенте и Общественной палатой, Совета Федерации – Госсоветом и его президиумом, политических партий – политическими машинами госкорпораций и «Единой Россией», независимых СМИ – общественными приемными, закрытыми соцопросами и т.д. [Петров 2009: 16].

Российской элитой, начиная с середины 1990-х годов, была осуществлена приватизация публичных ресурсов в целях защиты ее корпоративного интереса в сохранении власти и уходе от контроля общества. В существовании двойной – официальной и теневой системы управления государством заключается качественное своеобразие российской модели власти [Даугавет 2003: 27]. При наличии двух систем управления – формально-рациональной для публичной презентации или имитации демократии, и неформальной – для внутреннего использования, власть функционирует по законам закрытого неформального взаимодействия, противоположного публичности демократического государства. В сетях неформального взаимодействия действуют не контрактные отношения и взаимная ответственность за выполнение обязательств, а доверительные отношения, складывающиеся на основе формирования неформальных групп, сетей, связей по критерию включения «свой-чужой». Такие связи становятся устойчивыми неформальными социальными институтами, вовлекающими в «тень» все большую часть общества, уводящую ее из «света» публичности, права, справедливости, морали.

Переход формального поведения в неформальное происходит путем установления личных контактов с лицом, исполняющим публичную роль должностного лица того или иного органа власти ради частных интересов

и в обход официальных правил и процедур. Участников такого поведения это выводит за рамки правовых норм и их собственных публичных ролей. Человек, облеченный публичной должностью, произвольно исполняет должностные обязанности лишь в интересах собственных или группы, к которой он примыкает. Реальных механизмов привлечения публичных политиков и чиновников к юридической ответственности не существует. Следовательно, сама публичная роль и связанные с ней функциональные обязанности не выполняются. Формальная правовая основа должностных обязанностей при этом размывается, остается поддержание видимости исполнения роли. Однако и публичная роль гражданина в такого рода отношениях не исполняется. «Теневого» гражданина невозможно считать гражданином, поскольку гражданин по определению – публичная роль правоспособной личности, связанная с ее конституционным публично-правовым статусом, правами и обязанностями. Реальность показывает массовое уклонение людей от тех или иных обязанностей гражданина. Неправовой характер повседневной жизни, обусловленный неопределенностью правил поведения и произволом властей, – существенная черта нынешнего политического режима в России. Ненадлежащее исполнение публичных ролей ведет к «деградации публичных институтов» [Кертман 2006: 123]. Если депутат Госдумы РФ неудовлетворительно исполняет свою публичную роль законодателя, то эту роль он уступает Администрации Президента РФ и исполнительной власти. Это вызывает разрушение института разделения властей – конституционного условия существования публичной сферы общества. Роль чиновника в структурах исполнительной власти, наоборот, зачастую связана с концентрацией, чрезмерной централизацией и монополизацией функций разных ветвей власти, с одной стороны, и их перенаправлением с общественного блага на партикулярное – с другой. Исполнение публичной роли должностного лица любого государственного института (правительства, суда) по неформальным правилам приводит к трансформации данного института, его деятельность не только не подчиняется, но даже противоречит закону.

С одной стороны, неформальные связи ослабляют одностороннюю зависимость граждан от власти и устанавливают отношения взаимной зависимости людей. Но эта взаимозависимость строится на неправовых криминальных основаниях. Такое общество саморазрушительно. Взаимного ограничения частной и публичной жизни в бытии россиянина не произошло – ни в институциональном плане, ни в общественном сознании. Государство не обеспечивает защиту гражданских прав индивида – неприкосновенности личности, ее жизни, свободы, собственности, жилища и т.д. Население испытывает «глубокое хроническое чувство социаль-

ной униженности», связанной с недооценкой труда, с объективной невозможностью для части населения выйти из состояния бедности [Гудков 2009: 20]. Зачастую те или иные органы государства привычно вторгаются на «территорию» частной жизни россиянина. Причина этого – сохраняющаяся односторонняя зависимость российского гражданина от авторитарной государственной власти, отчуждение его от политической жизни, исключение гражданина из политического процесса при имитации некоторых демократических процедур. «Незащищенность гражданских прав не только стимулирует воспроизводство неформальных, личных отношений в частной жизни, но и содействует их экспансии в публичную сферу» [Хлопин 2006b: 106]. Отсюда «дефицит реципрокности в исполнении публичных ролей» (А. Хлопин), или «лукавое исполнение взаимных обязательств» и гражданами, и государством (Ю. Левада).

Проникновение неформальных личных связей в публичную жизнь препятствует универсализации правовых отношений и моделей поведения, основанных на взаимном соблюдении обязанностей и прав, приводит к недопущению населения к реальной самодеятельности, самоорганизации, политическому участию – публичной роли гражданина. Процесс обособления частной жизни от публичной идет в искаженных формах. Частное гипертрофировано, но это не частное в западном смысле. По нашему мнению, под «частным» фактически скрываются интересы конкретной группы – «части» общества. Индивид не обладает подлинной автономией, он включен в неформальные группы и связи, «частное» некоторых из неформальных групп и определяет публичную сферу, подминая ее под себя. В этом смысле в России в чистом виде нет ни частного как индивидуального, ни публичного как политического, понимаемого в республиканском смысле.

«Публичная» сфера в России не является пространством коммуникации и правовой борьбы разных политических субъектов, в ней представлен субъект монополист, транслирующий официальную точку зрения, и доносится информация о теневых столкновениях различных групп во власти с использованием органов принуждения. Большинство населения к публичной политике не имеет никакого отношения, кроме ритуального исполнения роли «послушного электората». Публичная сфера в России неразвита и функционирует под давлением группы лиц, владеющих рычагами власти. Отчуждение населения от такого непрозрачного пространства правления противоречиво сочетается с зависимостью «граждан» от произвола лиц, распоряжающихся государственной властью. Противоречивое сочетание зависимости и отчуждения «граждан» от власти, или подчинение их государству, – причина, обуславливающая отсутствие ре-

ального функционирования института гражданства (как двусторонней правовой связи между гражданином и государством, на основе взаимного исполнения прав и обязанностей) и конституционного (публичного) статуса гражданина. Это ядро нынешней политической системы, включая и ее институциональные характеристики, и черты ее политической культуры, истоки которого коренятся и в советской, и далее, в русской системе власти, является основой комплекса качеств постсоветского человека.

Общественное мнение отражает и отсутствие действенных институциональных условий для политической субъектности граждан, и недостаточность информации о возможных формах и технологии гражданского участия, и отсутствие общепринятых культурных норм и стереотипов гражданской активности. Общественное мнение фактически улавливает преобладающую тональность официального дискурса – декларации о демократии или социальной защите населения не сопровождаются привлечением внимания общественности к различным формам вовлечения граждан в публичную жизнь. Отсюда и общественный фатализм в отношении возможностей легального отстаивания гражданских и политических прав, отсюда пассивный либо примитивный характер выражения недовольства в моменты возникновения социальной напряженности: «ворчание на кухнях», крайние формы выражения протеста (голодовки и т.д.). Это означает, что население не видит легитимных способов решения своих проблем – ни через судебные органы, ни через органы государственной и муниципальной власти.

Оценки людьми причин невозможности общественного контроля над действиями властей выявляют реально действующие факторы массового политического неучастия. Среди них: господствующий стиль деятельности властных структур – ответственность чиновников перед вышестоящими инстанциями, а не перед гражданами (48 %); скудость информации о деятельности властей (29 %); уменьшение роли выборов, референдумов, свободных публичных дискуссий (27 %); политическая апатия населения (18 %), сохраняющаяся надежда на заботу власти (17 %) [Левада 2006: 13]. Основой всего комплекса установок российских граждан в их отношении к деятельности органов власти является социально-политическое и моральное отчуждение массового индивида от общественных и, особенно, государственных дел. Это свидетельствует о реалистичности массового ощущения, которое фиксирует действительно незначительное место гражданина в нынешней политической системе, контрастирующее с декларируемым конституционным статусом гражданина РФ.

Низкая степень причастности граждан к власти не только порождается инерцией советских традиций, но является следствием целенаправ-

ленной политики последних лет. Выборы 18 сентября 2016 г. характеризовались чрезвычайно низкой явкой населения на избирательные участки, что подтверждает состояние политического отчуждения граждан. Это также выявляет результаты циничной политики властей – действия избирательного законодательства последних лет и применения большого спектра политических технологий, направленных на продление власти господствующей элиты путем исключения реального участия в избирательном процессе и ротации государственной власти политических партий и лидеров, неподконтрольных этой элите, вплоть до игнорирования участия в выборах электората, почти его исключения. Даже низкая степень собственной легитимности в данном случае не беспокоит правящую группу.

Сохраняющаяся локализация и фрагментация российского общества, отсутствие автономии индивида и давление на него формально-неформальной группы и господствующих в ней неформальной морали и неправовых норм – факторы, препятствующие обособлению частной жизни от публичной. Дефицит взаимности в исполнении публичных ролей компенсируется установлением неформальных отношений между частными и официальными лицами. Такие отношения между официальными лицами, действующими как представители тех или иных неформальных групп, «свои» по отношению к властным структурам и распоряжению административным и иным ресурсам, определяют закрытый характер нынешней политической системы.

У рядового населения пространство частной жизни составляет смешение родственных, дружеских, соседских и других первичных связей с личными неформальными контактами. У этого пространства нет выхода на уровень публичности, оно ограничено от публичной сферы, но от вторжения органов государства и лиц из сферы номинальной публичной власти это пространство не защищено. Отсутствие институционального воплощения принципов верховенства закона, равенства граждан перед законом в организации российского государства – существенная черта и причина неправовой, неформальной связи между публичным и частным.

Соотношение публичного и частного в жизни российского гражданина определяется не только институциональными факторами, но и политической культурой россиян: отсутствием социального доверия между людьми, взаимного признания прав и интересов, социально-политической пассивностью, отсутствием готовности действовать публично даже на уровне соседских отношений, безынициативностью, неготовностью воспользоваться собственными конституционными гражданские и политические права. Публичность утратила свой политический смысл, в настоящее время его заместило стремление быть замеченным телевидением. В полити-

ческой культуре россиян оказалось неразвитым или подавленным чувство ответственности. Это обратная сторона отсутствия автономии личности, пассивности и стремления к уходу от проблем, от тотального контроля со стороны государства, а также следствие участия некоторых групп населения в неформальных связях и теневой, полукриминальной, а то и криминальной деятельности. У большинства населения не развиты навыки поведения по нормам общей, формальной, правовой взаимности, оно ориентируется на модели специфической групповой взаимности, ограниченной по масштабам и уровню публичности.

Причину политической пассивности населения А. Д. Хлопин видит в экспансии в публичную жизнь «неформальных связей патерналистского или квазипатерналистского типа» [Хлопин 2006b: 117]. В результате в людях подавляется потребность в публично-правовых отношениях с властью, но поощряется и становится повседневной привычка к решению житейских проблем неформальным, зачастую коррупционным, способом. Устойчивость неформальных стереотипов и практик препятствует развитию автономии индивида, его стремлению к самостоятельности. Если правовая система не обеспечивает неприкосновенности личности и реализации ее гражданских прав, а политическая система – реализации политических прав, то есть обе эти системы не вовлекают индивида в двусторонние договорные правовые политические отношения между властью и населением, а служат исключительно интересам правящей группы, то развития публичной роли гражданина не происходит. Вся сила государства направлена на недопущение развития правовых механизмов ответственности власти перед индивидом и обществом, на культивирование несамостоятельного индивида, подчиненного власти, ответственного перед чиновниками, но не перед собой и обществом.

Г. Л. Кертман поставил важный вопрос, сопровождается ли деполитизация массового сознания формированием потребности в разграничении публичной и частной сфер жизни, и ответил на него положительно [Кертман 2006: 122]. На наш взгляд, это потребность не в разграничении этих сфер жизни, а потребность в самосохранении, страх прямого столкновения с властью, чреватого применением насилия. Это стремление уклониться от реальности, уйти от рисков и сложности автономного существования в институциональном и социокультурном контексте российского общества. Процесс взаимного определения частной и публичной жизни россиянина нельзя рассматривать по прямой аналогии с процессом их взаимного ограничения в странах Западной Европы в XIX–XX веках. Этот процесс в России для некоторых людей является механизмом социально-психологической компенсации за те разочарования в политической актив-

ности и выход в публичное пространство столкновения с российской властью, которые население переживало в 1990-е годы. Для другой части населения это процесс привычного эскапизма, рожденного страхом многих поколений перед репрессирующей властью и партийно-комсомольскими практиками публичных «порок» и покаяний. Общественное мнение советского времени прочно связало публичность либо с массовыми ритуальными шествиями и изъятиями всенародной любви к партии и правительству, либо с личным позором. В этих обстоятельствах невыход людей в публичное пространство и уход в «частное» – это не формирование пространства автономии и приватной жизни, а уход в «берлогу» (С. В. Патрушев) как последнюю надежду на безопасность и выживание.

Привычное для масс, традиционное сохранение политической субъектности наверху и отсутствие объективных возможностей и субъективных притязаний на субъектность снизу препятствуют становлению российского гражданина как самостоятельного политического актора и, одновременно, освобождают его от ответственности и за «Общее благо», и за собственную жизнь. Деградация публичных институтов есть следствие деполитизации населения, распространения такого типа человека, как политический маргинал, аутсайдер, у которого отсутствует какая бы то ни было социальная ответственность и желание что-либо делать во имя Общего блага. В этих условиях инфантильность (или патернализм) становится более эффективным средством адаптации, чем политическая активность. Недоверие россиян к политическим институтам сопровождается отсутствием стремления к самоорганизации, к публичности на уровне местного самоуправления и автономизации частной жизни.

Равно актуальной, но не решаемой проблемой в современной России является и политическая институционализация – реальная модернизация и демократизация политических практик, превращение их в политические институты, действующие на правовой основе, подчинение государства принципам конституционализма, федерализма, верховенства права, двусторонней правовой связи гражданина и государства, а также формирование массового индивидуального субъекта политики – гражданина. Перспективы развития соотношения публичного и частного в соответствии с либерально-демократической моделью гражданина и государства связаны с возникновением и укреплением веры критической массы людей в их собственную способность влиять на принятие политических решений, готовность выносить на публичное обсуждение те или иные проблемы, участвовать в функционировании публичной сферы. Одним из способов борьбы за здоровое общество является публичное обсуждение его «болезней» и способов выхода их ситуации. Нужна борьба со стереотипами не-

легальности, криминальности, незаконопослушности, борьба за общественный контроль над властью, за прозрачность, открытость политического процесса, за гражданские и политические права. Общее средство преодоления проблем российского общества – реформа правовой системы, обеспечение правового равенства граждан перед законом, в том числе должностных лиц любого уровня власти. Выход из тени, в публичную сферу, «борьба с тенью» за публичную роль гражданина – абсолютно необходимый для России путь. На всех уровнях публичности, начиная с территориального и местного самоуправления, современной России не хватает усвоения норм общей взаимности. В этом одна из важных проблем отсутствия развития гражданского общества.

В России в силу исторических традиций граница между частной и публичной жизнью человека никогда не была достаточно определенной в социальном и политико-правовом смысле. До сих пор сохраняется недифференцированность этих сфер, парадоксально сочетающаяся с их разрывом, отсутствуют и ценностно-нормативное содержание, и институциональные рамки их существования. С провозглашением гласности, идеологического и политического плюрализма в конце 1980-х годов возникли надежды на формирование открытой для граждан публичной сферы. В 2000-е годы произошло сворачивание ее даже начальных форм и ресурсов. Социологи констатировали «фактическую деполитизацию политического пространства в стране» [Левада 2004: 11], переход от политических к административно-технологическим методам управления, включающим контроль над СМИ, манипуляцию общественным мнением и имитацию публичности. С формированием квазипубличной сферы, которая грубо заявила о себе в 2014–2015 годах в ситуации искусственной политизации публичного пространства, возгонки в массах псевдопатриотизма и поисков «врагов России» после присоединения Крыма, исчезли всякие условия и для открытых политических дискуссий на действительно важные для общества темы, и для реальной политической конкуренции. Тем самым исчезли и политические гарантии частной автономии граждан.

Особое функционирование публичной сферы и ее элементов – общественного мнения, масс-медиа и публичности, напрямую связано с особенностями осуществления процедуры легитимации власти в России. Вместо функции перевода установок, ценностей, интересов разных слоев населения на уровень открытых дискуссий и публичной политики, российские масс-медиа играют роль средства манипуляции общественным мнением. Принимаемые парламентом («формальной публикой») решения в интересах высшего слоя бюрократии они представляют как демократические, усыпляя бдительность масс риторикой «социально ориентированной по-

литики» и популистскими обещаниями. Публичная сфера в России настоящего времени оказалась под контролем одной силы, ставшей единственным субъектом политики. Объектами конструирования и манипуляции со стороны Кремля стали практически все формальные публичные институты – парламент, политические партии, общественные объединения и организации, а также неформальные образования, и в первую очередь, общественное мнение («неформальная публика»). Публичная политика фактически вытеснена монологом властных структур. Публичная сфера лишена открытости и механизма представительства интересов и мнений разных социальных групп. Общество может лишь внимать и взирать на действия и ритуалы, в которых сценарий, режиссер и актеры подобраны центром.

В России публика как «виртуальная общность тех, кто читает, пишет и интерпретирует» (Ю. Хабермас) существует в диффузном состоянии. Для «пишущих» ограничен доступ к массовому «читателю» из-за жесткого контроля государства над электронными и печатными СМИ, занимающимися политическими темами. Главным интерпретатором, конструирующим политическую реальность, является кремлевская администрация и обслуживающие ее структуры. Результатом таких действий стала имитация существования публичной сферы и демократической политики. Рядовым гражданам («читающим») приходится воспринимать по преимуществу официальную информацию, прошедшую фильтры интерпретаций, сегмент читателей независимых СМИ невелик, а надежды на Интернет пока не оправдываются.

Понятие политической культуры населения стало элементом официальной идеологии. Оно выполняет в публичном дискурсе две основные функции: «работает на конструирование коллективных идентичностей (граждан, членов нации, “большинства”) и служит для обоснования тех или иных политических программ» [Малинова 2006: 119]. Представители консервативных, национально-патриотических сил, «почвенники» конструируют авторитарно-традиционалистическую модель коллективной идентичности, редуцируя ее до вневременной, специфически «русской» идентичности. Либералы-западники в модели современной российской политической культуры видят конфликт различных субкультур – традиционной и либерально-демократической [Кутковец, Клямкин 2002а; Кутковец, Клямкин 2002б]. В целях легитимации действующего политического режима и интеграции общества вокруг власти идеологи «Единой России» сконструировали эклектическую модель коллективной идентичности. Акцент на «русском» (этнически, религиозно и традиционно понимаемом) в этой модели продиктован стремлением идеологов правящей

партии вытеснить ценности либерально-демократического проекта реформ и представления о «гражданской» идентичности нации путем возрождения традиций имперского прошлого и «русской» культуры.

Для конструирования коллективной идентичности российского общества официальный дискурс предлагает определенный тип решения нескольких бинарных оппозиций – *свои («наши») – чужие; целое (общее, отождествляемое с государством) – частное (индивидуальное); устойчивость (стабильность) – изменчивость; порядок – хаос*. Стабильность упорядоченной общности «своих» наделяется высшим моральным статусом и противопоставляется «чужим» (внешним и внутренним «врагам»), связанным со стихией и требующим изменения (реформ). За этими противопоставлениями высвечиваются установки ксенофобии, национализма, антиреформизма, этатизма, консерватизма. «Единороссы» стремятся навязать общественному сознанию образ русской политической культуры, построенный на утверждении «духовной и культурной самобытности России». Он включает абсолютную ценность государства, идеал «единства власти и народа», склонность к идеократии, великодержавность, собранность, моральное понимание социальной справедливости, приверженность официальному лидеру страны и правящей партии как единственному субъекту политики.

Монопольный субъект политики в настоящее время отказывается даже от курса авторитарной модернизации, от стратегии какого-либо развития ради консервации собственного порядка господства. Он отсекает все каналы «обратной связи» с обществом, лишает возможностей влияния на принятие государственных решений и политического действия все иные общественные и политические силы. Пытаясь установить полный контроль над общественными процессами, данный субъект не учитывает неэффективности такого контроля, не видит необходимости сочетания контроля и свободы, управления и самоуправления, организации и самоорганизации. Между тем, устойчивый порядок, организация в социальных и политических процессах в длительной перспективе не могут устанавливаться и существовать без процессов самоорганизации, источником которых являются разные социальные субъекты – граждане и их объединения. Стремясь не пропустить «хаос» в установленный «порядок», исключая этих субъектов из «большой» политики, ограничивая их самостоятельность во имя «профилактики революции»¹⁴, монополист лишает этот «порядок» возможности обновления и развития, подрывает основы для само-

---

¹⁴ Эту цель когда-то сформулировал В. Сурков, но она, по-видимому, например, в виде страха перед Болотной площадью, до сих пор остается главным мотивом деятельности администрации Президента по отношению к обществу.

сохранения.. В целях сохранения собственной монополии властью были проведены законодательные поправки в избирательное и партийное законодательство, цели «профилактики» иных вариантов политики была подчинена «зачистка» публичной сферы под официальное мнение.

Во имя существующего политического порядка подавляется всякое стихийное начало, ограничиваются любые формы самоуправления и самоорганизации, как на уровне их источника – автономной личности, так и на уровне механизмов реализации ее прав и свобод в публичной сфере. Демократия связана с введением стихии в легальное русло, а не с подавлением ее. Нынешняя российская власть не склонна к выработке гибких методов управления стихийными процессами, она предпочитает простые решения: централизацию вместо децентрализации, вертикальное управление вместо горизонтального самоуправления, назначение вместо выборов, однопартийную «машину для голосования» вместо многопартийного парламента. В сравнении с советской моделью подчинения личности государству через подчинение личности коллективу, нынешняя модель господства отличается большей изобретательностью. Она искусно имитирует многопартийность, многообразие общественного мнения, парламента, выборов и других институтов демократии. «Двойники», псевдопартии, псевдооппозиции и псевдогражданские объединения – вот инновационные средства нынешней власти, позволяющие принуждать личность к идеологически заданному поведению. Но за новой технологией информационного управления массовым сознанием скрывается тот же механизм подчинения частного «общему», под которым власть подразумевает себя.

Публичная сфера выступает в качестве пространства и механизма перевода ментального в институциональное. Обоснование властного решения в публичном дискурсе делается в опоре на массовые ожидания. Решения власти маскируются под принятые на основании изучения общественного мнения. Ментальные установки населения – продукты воображения, верования, страхи и тому подобное – подгоняются идеологами власти под нужные ей значения и смыслы. У элиты всегда в наличии масса рычагов обработки, провокации и конструирования общественного мнения, а также его окончательного представления на публике. Официальный дискурс не покрывает всего разнообразия общественного мнения, всегда остаются лакуны, независимые от доминирующего дискурса. Но масштабы распространения мнения независимых групп в современной России несопоставимы с ресурсами и масштабами дискурса власти. Даже если нечто приписывается общественному мнению, финальный вердикт власти устанавливает реальность приписываемого. Главное сейчас – казаться правым, а не быть им, этому и служит такой инструмент, как PR.

То, что доминирует в публичной сфере (особенно, официальные конструкции и мифы), выглядит достоверным, а многократно повторенное, становится удостоверенным, реальным.

Какие «послания» получает рядовой гражданин от власти, монополизировавшей публичную сферу? Абстрагируясь от множества разнородных сигналов, посылаемых властью разным социальным группам, можно вычленил следующие общие требования к роли гражданина: 1) патриотизма, идентификации гражданина с Россией, не называемой, но рассматриваемой в качестве империи. Имперские цели требуют слитности народного организма с властью, отказа от автономии групп и личностей и «излишних» свобод; 2) внешней и внутренней лояльности по отношению к власти, послушания государству и его лидеру (но не закону), ориентации на приспособление к порядку и правилам, произвольно устанавливаемым и изменяемым властью; 3) политической пассивности. Это вытекает из публичного неодобрения политической конкуренции, активности, оппозиционности, критики, стремления к реформам и инициативам, отстаивания политических и гражданских прав и свобод, в том числе свободы личного мнения; 4) стимулирование публичного конформизма и лицемерия – проявления приверженности великодержавным амбициям, ненависти к врагам (США, ЕС, Украине, «национал-предателям») и преданности главе государства; 5) поддержки исключительно «назначенной» оппозиции и бдительности по отношению к независимой оппозиции и другие.

Становясь лейтмотивом публичной сферы, такие сигналы трансформируются и приобретают особое качество и силу воздействия. Публичная сфера – сфера установления истины и реальности. Публичность придает идеям, имитациям, сконструированным образам (в том числе образу власти, создаваемому ею самой, – образам правительства, парламента, общественного мнения, гражданина) качество реальности, статус истины. Так было с большевистским дискурсом и советской публичной сферой, сходный процесс мы переживаем сейчас. Публичность (обнародование, публикация, телетрансляция и т.п.) служит воплощению сконструированных мифов, норм, правил, переводит идеи и символы в устойчивые социальные отношения и институты. Растиражированный официальный дискурс становится истиной для нерелефлирующего массового сознания, превращается в повседневные стереотипы мысли, чувства, действий, входит в обыденную практику людей. Эти рутинные стереотипы становятся мотивами повседневных действий людей и способствуют воспроизводству наличного порядка властвования. Дискурсы иных социальных субъектов просто не достигают федерального уровня публичности и, следовательно, не получают статуса реально существующих и истинных.

Фундаментальным событием советской культуры стало становление феномена массового лицемерия. О. Хархордин выдвинул гипотезу: «специфически советская сфера приватной, или частной, жизни образовалась в сталинскую эпоху, и именно лицемерие стало центральной практикой, создавшей эту сферу, неподвластную контролирующему надзору. Лицемерие, таким образом, было не феноменом, производным от разрыва между публичной и приватной жизнью в СССР, а центральной практикой, создавшей этот разрыв» [Хархордин 2002: 348]. Целые поколения советских людей воспитывались по образцам вынужденного притворства. Публичная роль сознательного коммуниста, патриота, ленинца, передового советского гражданина мастерски исполнялась на публике, лишь дома эта маска могла быть снята. Исполнение роли сознательного гражданина СССР зависело от различных обстоятельств – биографии, среды, качеств личности. В позднее советское время коммунистическая сознательность оказалась в значительной степени выхолощенной. Но пока публичные советские ритуалы совершались, игралась и эта роль. Превратившись в господствующий тип советской личности, наиболее успешные лицемеры – функционеры системы, вовлекали всех окружающих в свою игру на публике.

С крахом советской идеологии этос сознательного строителя коммунизма оказался никому не нужен. Но стереотипы лицемерного поведения, порожденные десятилетиями соответствующей публичной практики, нигде не исчезли. Лицемерие оказалось невостребованным в начале 1990-х годов, когда появилось увлечение этосом демократической гражданственности, оно дремало до поры, и такая пора, кажется, наступила снова. Бюрократия, поначалу отторгавшая демократический этос, быстро адаптировалась к новым идеологическим веяниям, приняв его именно как часть игры на публике. Демократическая риторика 1990-х – начала 2000 гг. заняла место риторики коммунистической и социалистической. Прагматика использования лицемерия на публике в качестве средства роста личной карьеры и достатка, ставшая устойчивым мотивом жизни и деятельности среднего и младшего поколений советских граждан, особенно в среде бюрократии, в настоящее время сохраняется, а отчасти укрепляется. Прагматическим целям при реальной демократии нет нужды прятаться, поэтому и лицемерие оказывается ограниченно применяемым. Но в условиях имитации демократии – этой истинной задачи функционирования нынешней публичной сферы, прежние навыки притворства оказываются весьма востребованными. Стереотипы жизни показывают большую устойчивость по сравнению с идеологиями. Уже не только лидеры и члены кремлевских партий носят маски, они успешно подключают к своей игре-лицемерию

активные слои населения – профессионалов бизнеса, науки, СМИ, молодежь.

Какую массовую личность пытается конструировать нынешняя власть? Нетребовательного политического потребителя, обывателя, замкнувшегося в частной сфере, не обладающего политическими амбициями, человека, лишённого интегрированного морального и правового основания. За нежелание играть по сценарию власти и притворяться нужно платить отсутствием доступа к финансовым и имущественным ресурсам и публичной карьере. Но и частной сферы, недоступной вмешательству государства, так и не возникло. Полноценной государственной защиты частной собственности массового гражданина от должностных лиц до сих пор нет, но есть произвольное применение Гражданского кодекса. Запрос власти на определенную личность четко не формулируется, его можно понять по законодательным решениям, высказываниям, реальным практикам и мерам в отношении воспитания, образования, детства, культуры и т.д. Тем не менее, можно предположить, что власти нужна апатичная, «простая» личность как функция авторитарного государства.

К началу перестройки массовый советский индивид обладал личностью, характеризующейся «шизофреническим разломом» (О. Хархордин). В одном человеке могли совмещаться публичная роль коллективиста, активного или «покорного» участника коммунистических ритуалов, и роль эгоиста, искателя личной выгоды вне публики, в частной жизни или неформальной группе. Властные лица теперешней России представляют этот господствующий в советское время тип лицемерной личности, пытаясь массово воспроизвести эту двойственную личность. Ее публичная роль должна ограничиваться ролью члена массовки, зрителя, покорно смотрящего на демонстрируемые с экранов телевизоров ритуалы, имитирующие то демократию, то монархию. Исполнение этой роли требует соответствующих внутренних установок – отказа от свобод во имя обывательской жизни. Для этой цели ментальность рядовых граждан целенаправленно редуцируется с помощью СМИ до узкого потребительского сознания. Практические действия власти выдают ее стремление вернуться к советскому идеалу превращения личности в предмет идеологического воздействия, в объект контроля и манипуляции, навязать ей этос пассивного подданного. Вырисовывается образ и структура требуемой личности. Духовные, нравственные ее уровни и подсистемы отдаются на откуп православной церкви, традиционно склонной к воспитанию пассивности, фатализма, обреченности, чино- и властепочитания. Светская массовая культура, свернутая к ее телевизионной версии, направляется на подавление высших потребностей, работает как «машина селекции желаний», отбра-

ковывающая потребности в духовной и политической свободе, поощряющая неумеренное потребительство, отсутствие нравственных ориентиров и эгоизм. Телевидение активно внедряет технологии создания «звезд» и подражания «героям», в качестве которых зрителям подсовывают участников реалити-шоу, «звезд эстрады» и т.п. Становится обычной практикой ритуал выражения лояльности президенту со стороны нижестоящих чиновников и обслуживающих их СМИ. «Гражданским долгом» рядового гражданина уже стал ритуал публичной демонстрации лояльности президенту (или его изображению как святому или вождю революции), другим властным лицам. Имитация патриотизма, великодержавности и приверженности «традиционным ценностям русской культуры и православия» стала рутинной практикой. Однако нарастающий разрыв между словами и делами рано или поздно будет осознан общественным мнением.

В последние годы в пространстве публичной сферы проблема качества гражданина демократической России вытеснена проблемой сохранения порядка и стабильности, за которой стоит стремление власти сформировать политически управляемого индивида. Происходит замещение общественной потребности в участии граждан в управлении обществом и государством, в определении целей его развития, потребностью власти в конструировании «нетребовательного политического потребителя», создаваемого в целях ее самосохранения. Власть целенаправленно воздействует на массовую ментальность и выхолащивает функционирование демократических институтов. Из комплекса характеристик политической культуры гражданина (нации) официальный политический дискурс фактически культивирует лишь установки на лояльность высшему государственному лицу и имперский патриотизм. Гипертрофированная поддержка последнего породила безобразные проявления русского национализма, в том числе имперской его версии [Гудков, Дубин 2005; Зверева 2005; Верховский, Паин 2010; Паин 2015].

В целом идентичность массового человека носит неопределенно негативистский характер [Гудков 2004]. Проблемы демократического участия в официальном дискурсе представлены лишь в декларативно-имитационной форме. Фактически в публичном пространстве политической коммуникации дискурс гражданского участия вытесняется идеалом «единения народа и власти». Вследствие уже принятых мер по ограничению свободы СМИ и ликвидации условий для достаточной публичной представленности мнения оппозиционных сил, «глас народа» становится похожим на копию официального дискурса. Однако полное тождество того и другого невозможно, и это внушает определенную степень оптимизма.